

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'373.2

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-194-203>

Шифр научной специальности 5.9.5

Урботекст лингвистического ландшафта г. Шымкента

Раушан Дуйсеновна Елибаева

ТОО «Центрально-Азиатский инновационный университет»
160013, Республика Казахстан, г. Шымкент, ул. Мадели Кожа, 137
 raushan_1959kz@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования урбанонимов связана с необходимостью изучения городского пространства, которое отражает процессы урбанизации и социокультурные трансформации в современном мире. Коммуникативное пространство казахстанского города Шымкента устанавливает «местные» актуальные номинации в плане употребления русскоязычных и казахских урбанонимов, отражающих исторические и социокультурные контексты, что позволяет урбалексемам служить маркерами для горожан и туристов. Цель исследования – рассмотреть урботекст г. Шымкента как продукт городского ландшафта в статике и динамике и его составляющие компоненты, которые отражают взаимосвязь языков, культур и ментальности. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужила авторская картотека урбанонимов г. Шымкента. Использовались общенаучные методы (сравнение, наблюдение, комментирование), метод семантической интерпретации и этимологический анализ. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Установлено, что на протяжении истории города шымкентские урбанонимы, как вербальные знаки, свидетельствуют о состоявшемся успешном сотрудничестве русской и казахской культур. Современный урботекст Шымкента обладает чертами изменчивости и устойчивости, отражая процессы человеческого познания и языковой интерпретации городской географической действительности в индивидуальном сознании горожан. Для урботекста анализируемого города характерно функционирование его составляющих на основе структурной стабильности и их приспособляемости. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Современное состояние казахского литературного языка, как и его история, свидетельствуют о том, что урботекст является яркой иллюстрацией структуры урбанонимического знания, в контексте которого реализуется интерпретирующая функция урбанонима, и актуальным маркером казахской языковой личности.

Ключевые слова: диалог культур, городское пространство, топоним, урботекст, город Шымкент, лингвокультурная информация, вербальное пространство

Благодарности. Выражаю благодарность сотрудникам научно-образовательного центра «Русист» при кафедре русского языка Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина за консультирование при написании статьи.

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Р.Д. Елибаева – концепция исследования, анализ ономастической литературы, сбор фактического материала, использование авторской картотеки, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Елибаева Р.Д. Урботекст лингвистического ландшафта г. Шымкента // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 194-203. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-194-203>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-194-203>

OECD 6.02; ASJC 1203

Urbotext of a linguistic landscape of Shymkent city

Raushan D. Elibaeva

Central Asian Innovation University

137 Madeli Kozha St., Shymkent, 160013, Republic of Kazakhstan

 raushan_1959kz@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. The relevance of the study of urbanonyms is connected with the need to study urban space, which reflects the processes of urbanization and socio-cultural transformations in the modern world. The communicative space of the Kazakh city of Shymkent establishes “local” topical nominations in terms of the use of Russian and Kazakh urbanonyms reflecting historical and socio-cultural contexts, which allows urbanlexemes to serve as markers for citizens and tourists. The purpose of the study is to consider the urban text of Shymkent as a product of urban landscape in statics and dynamics and its constituent components that reflect the interconnection of languages, cultures and mentality. **MATERIALS AND METHODS.** The author’s card catalogue of urbanonyms of Shymkent serve as the material of the study. General scientific methods (comparison, observation, commenting), method of semantic interpretation and etymological analysis are used. **RESULTS AND DISCUSSION.** It is established that throughout the history of the city Shymkent urbanonyms, as verbal signs, testify to the successful cooperation between Russian and Kazakh cultures. Modern urban text of Shymkent has features of variability and stability, reflecting the processes of human cognition and linguistic interpretation of urban geographical reality in the individual consciousness of citizens. The urban text of the analyzed city is characterized by the functioning of its components on the basis of structural stability and their adaptability. **CONCLUSION.** The current state of the Kazakh literary language, as well as its history, testify to the fact that the urban text is a vivid illustration of the structure of urbanonymic knowledge, in the context of which the interpretive function of urbanonym is realized, and an actual marker of the Kazakh linguistic personality.

Keywords: culture dialogue, urban space, toponym, urbotext, Shymkent city, linguocultural information, verbal space

Acknowledgments. I express my gratitude to the staff of the Scientific and Educational Center “Rusist” at the Russian Language Department of Derzhavin Tambov State University for advice on manuscript writing.

Funding. This research received no external funding.

Author’s Contribution: R.D. Elibaeva – research concept, onomastic literature analysis, factual material collection, use of author’s card catalogues, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Elibaeva, R.D. Urbotext of a linguistic landscape of Shymkent city. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(1):194-203. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-194-203>

ВВЕДЕНИЕ

Широкое понимание текста (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение) способствовало тому, что учёные стали рассматривать семиотику текста в культурно-семиотическом плане как продукт лингвокультурологического образа. В настоящее время активно развивается теория топонимического текста как особого языкового и культурного феномена¹, изучение которого важно для лингвокультурологических, литературоведческих, лингвистических и переводоведческих изысканий [1–3]. Цель исследования – рассмотреть урботекст Шымкента как продукт городского ландшафта в статике и динамике и его составляющие компоненты, которые отражают взаимосвязь языков, культур и ментальности.

Идеи изучения городского текста как особого знака восходят к работам учёного тартуско-московской семиотической школы В.Н. Топорова, который первым употребил термин «Петербургский текст» и ввёл в научный обиход понятие «городской текст». По мнению учёного, Петербург в русской культуре определён синтезом реалий города, истории его основания и жизни. Этот город относится «к числу тех сверхнасыщенных реальностей, которые немислимы без стоящего за ними целого и, следовательно, уже неотделимы от мифа и всей сферы символического» [4, с. 7], «обозначенное «цельно-единство» создаёт столь сильное энергетическое поле, что всё «множественно-различное», «пёстрое», индивидуально-оценочное вовлекается в это поле, захватывается им и как бы пресуществляется в нём в плоть и дух единого текста» [4, с. 9].

Концепцию о топониме как о свёрнутом структурированном тексте разработал В.М. Горбаневский [5]. По мнению учёного, вербализация развёрнутого топонимического текста осуществляется «в высвечивании» частичного объёма его составляющих (определённых компонентов плана содержания

структуры топонима) «в устной и письменной речи в соответствии с целями и задачами дискурса, стилистическими и иными лингвистическими особенностями монолога и полилога» [5, с. 173]. Эта методика исследования ономастических единиц стала широко использоваться при изучении других разрядов онимов, например, впервые структуру фамильного антропонима-текста рассмотрел В.О. Максимов².

В научный обиход прочно вошло понятие «вертикальный ландшафт городского нарратива», представляющий «собой совокупность взаимосвязанных элементов, открытую к модификациям и развитию, которая структурирована по вербальным локациям, соответствующим разнообразным сферам городского пространства (история, спорт, культура, промышленность, коммуникация и т. д.)» [6, с. 34]. В этой цитате обращает на себя внимание слово «нарратив» (от лат. *gnarus* – «знающий, осведомлённый в чём-либо»), который тесно связан с процессом коммуникации. Учёные подчёркивают, что в условиях межкультурной коммуникации нарратив становится носителем национально-культурной специфики, отождествляя говорящего с определённой лингвокультурной общностью» [7, с. 343].

Новый период в казахской топонимии связан со сменой политического режима, с переходом с советских реалий на национальный казахстанский колорит. Концепция Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР (от 25 октября 1990 г.) наметила путь на сохранение национальной идентичности, в связи с чем в постсоветском пространстве топонимии произошли значительные переименования [8, с. 454]. Отмеченные на сегодня русские урбанонимы в Шымкенте несут отчётливую лингвокультурную общность, иллюстрируя процесс переименований в городском ономастике, или ономастике города (эти понятия синонимичны и общеприняты в научной литературе). Например, в контексте постсоветского простран-

¹ Шурупова О.С. Концептосфера петербургского и московского текстов русской литературы (сопоставительный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2011. 24 с. <https://elibrary.ru/zoecuq>

² Максимов В.О. Вариативность современного русского фамильного антропонимикона: лексикографический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2015. 25 с.

ва Республики Казахстан, *проспект Тауке хана* на протяжении своей истории менял названия. Изначально это была улица Садовая, затем была переименована в улицу имени Сталина, позже в проспект Коммунистический.

В вербальном пространстве шымкентского городского текста русские топонимы в недавнем прошлом являлись заметным отдельным сегментом и отражали историю русско-казахского диалога. В наши дни пласт русских топонимов заметно исчез ввиду национальных топонимических переименований. Тем важнее обратить внимание на урботекст как своего рода «фамильную схожесть» языковых знаков, принадлежащих единому «лингвистическому ландшафту» города.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили урбанонимы, извлечённые методом сплошной выборки из различных источников (интернет-ресурсы: интерактивная и векторная карты, онлайн-карта), справочники, справочники, путеводители для посетителей г. Шымкента), составившие авторскую картотеку. Были использованы общенаучные методы (сравнение, наблюдение, комментирование), метод семантической интерпретации и этимологический анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Любой топоним (урбаноним является видом топонима) с его образами является собой реальность, впитывающую мифы, фольклор, предания, обряды и обычаи, креативное творчество номинаторов, письменные и устные речевые жанры, оценочную составляющую, что представляет собой содержательную самостоятельную единицу знания – урбанонимический текст, который формирует термин базового уровня «урбаноним» и структурируют термины субординатного уровня, фиксирующие термины для имён собственных каждого вида городских объектов, а именно:

агороним – название городской площади и открытых пространств в городе;

анойконим – название памятника;

геонимы – названия градостроительных объектов, обеспечивающих транспортные и пешеходные связи между жилыми районами;

гефиронимы – названия мостов;

годоним (название линейного объекта в городе: проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара);

дримоним – название любого лесного участка, например, парка, рощи в городе;

монументоним – название памятника, монумента, городской скульптуры;

некроним – название места погребения; кургана или кладбища древних народов;

ойкодоним – название отдельных зданий, названия музеев;

хороним – название части территории города: района, квартала;

эклезионизм – названия религиозных сооружений: монастыря, церкви, часовни, мечети;

эргонимы – наименования коммерческих предприятий, учреждений (сфера общественного питания);

эклезионим (название мечети, мавзолея, место поклонения религии) и др.

Из сказанного следует, что каждый из фрагментов городского ономастикона отражает единство общего и отдельного. Так, название единичного объекта города Шымкент отражается в сознании человека в виде единичного представления среднеазиатского города как мысленного отражения общих с другими городами и индивидуальных признаков топообъекта по названию Шымкент. В связи с этим в топонимическом значении содержатся знания о существовании географического объекта и тех признаках, которыми он отличается от других.

Заметим, что в диалектах южных регионов Казахстана частотно присутствует звук «Ч» в названиях населённых пунктов, которые и сегодня отмечены на карте страны, например: *Чилик* – село в Енбекшиказахском р-не Алматинской области; *Чунджа* (Шонжы) – село в Уйгурском р-не Алматинской обл.; *Чардара* – село в Шардаринском р-не Туркестанской обл.; *Чакпак* (Шакпак) – село в Байдибекском р-не Туркестанской области.

В календарные даты ЮНЕСКО 2020 г. была внесена дата празднования древнейшего топонима Казахстана – 2200-летний юбилей города Чимкента. Русское транскрибированное название *Чимкент*.

В 1992 г. название города Чимкент было заменено на казахскую форму *Шымкент* (Постановление Президиума Верховного Совета Республики Казахстан от 8 сентября 1992 г.). Транскрипция Шымкент больше соответствует произношению на казахском языке, в то время как Чимкент отражает вариант, свойственный узбекскому произношению. На сегодня это первый по занимаемой площади и третий по численности населения город в Республике Казахстан.

Учёные В.В. Бартольд, Э.М. Мурзаев, В.В. Радлов по-разному трактуют этимологию первой части составного топонима Чимкент. Возможно, это тюркское слово «чим» или «шым» в значении «луг», «травянистая растительность»; возможно, согдийское (иранское) слово «чиминь/чемень» (фонетический вариант «чим»/«чем») в значении «луг», «цветущая долина»; возможно арабское слово «чаман» в значении «роща», «луг». Вторая часть составного топонима Чимкент связана со словообразовательным формантом, превалирующим в топонимах Средней Азии.

Как отмечает П.Б. Лурье, «финали на -kath, -kat, -kand были самыми распространёнными среди значимых формантов... Более того, финаль на -kand, -kant, пожалуй, наиболее узнаваемый маркер оронимов Средней Азии, достаточно вспомнить такие названия, как Ташкент, Самарканд, Чимкент, Яркенд, Пенджикент»³, в которых компонент «кент» (из иранских языков) переводится как «город», «поселение» или «местность». П.Б. Лурье использовал термин «ороним» в значении «ландшафтный объект».

Правомерно считать, что название города включает тюркский компонент «чим» или «шым» и определяющий иранский компонент *kent в значении «селение», что в целом отражает этимологию названия топонима

³ Лурье П.Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимики: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2004. С. 88.

Шымкент – «зелёный город», «зелёный (цветущий) город». Иными словами, топоним «Чимкент» является топонимом-композицией, где одна часть имеет тюркскую этимологию, другая – возможно, иранскую, персидскую или арабскую (этимология затруднена: результат последствий фонетической адаптации при заимствовании или переименовании). Но в любом случае можно считать: «Возникновение таких топонимов должно говорить о глубоком контакте языков» [9, с. 31].

Интересен факт, что в русских письменных источниках отмечается название города *Чеменгень*. Известно, что в 1800 г. горный инженер Т.С. Бурнашев и его сослуживец Михайло Пospelов (с заводов в Омске) совершили путешествие в Ташкент. Ещё в 1792 г. Юнус-Ходжа, правитель Ташкента, «обратился к начальнику Сибирской линии с предложением о расширении взаимной торговли, «чтобы всегда российские купцы для умножения торговли ездили в Ташкентию, а мы – в Россию»⁴. В опубликованных путевых заметках русских посланников о жизни казахского народа в начале XIX века город Чимкент назван *Чеменгень*: «По Ташкенте первым почитается ныне город Чеменгень»⁵.

В честь 50-летия вхождения Чимкента в состав Российской империи в 1914 г. город получил название Черняев. М.Г. Черняев (Туркестанский генерал-лейтенант) руководил штурмом захвата города в 1864, 1865 гг. Однако в 1924 г. городу было возвращено историческое название.

От Цитадели потянулась первая улица Николаевская (позднее Советская, ныне Казыбек би). Это была центральная улица нового города, на которой некогда находился собор Николая Угодника, и в обиходе улица называлась Никольский. Здесь в 1886 г. был

⁴ Путешествие Бурнашева и Пospelова в «страну Ташкентию» // История развития Казахстана, история Караганды – Новиков Владимир Яковлевич: сайт. URL: <http://novikovv.ru/burnashev-i-pospelov/puteshestvie-burnasheva-i-pospelova-v-stranu-tashkentiu> (дата обращения: 25.11.2024).

⁵ 386 улиц переименовуют в Шымкенте // Международное информационное агентство «Казинформ». 31.10.2024. URL: <https://www.inform.kz/ru/nazovut-bezimyannie-ipereimenuyut-386-ulits-vshimkente-d72cc2> (дата обращения: 25.11.2024).

заложен общественный городской сад, который именовался Соборным садом, в настоящее время это парк «Кен баба».

Солнечный Шымкент всегда отличался обилием зелени и плодовыми деревьями, о чём свидетельствовали русские названия улиц. «Любая культура имеет свой корпус имён собственных, однако, будучи ономастической универсалией, по многим причинам (вследствие языковой моды, популярности имени, исторических событий, политических изменений, прецедентности имени и др.) имена собственные легко преодолевают государственные границы, утверждаясь в любом языке» [8, с. 454]. Ср.: названия улиц Шымкента: Берёзовая, Виноградная, Грушевая, Зелёная, Земляничная, Вишнёвая, Клубничная, Малиновая, Сиреневая, Тополиная, Урючная, Фруктовая, Цветочная.

На 2023 г. многие русские названия были переименованы, что отражает тенденции языкового развития и законы функционирования урбанонимии, которые находятся в регулярном переустройстве. В настоящее время наблюдается тенденция сосуществования прежних и новых названий, при этом старые названия продолжают активно употребляться в речи, выполняя функции уточнения и дополнения. Приведём список некоторых переименованных улиц:

1-я Зелёная балка (ныне ул. 1-я Коксай);

2-я Зелёная балка (ныне ул. 2-я Коксай);

3-я Зелёная балка (ныне ул. 3-я Коксай);

Абрикосовая (ныне ул. М. Данова);

Ландышевая (ныне ул. Инжугул);

Персиковая (ныне ул. Шабдалы);

Плодовая (ныне ул. Мауели);

Садовая (бывший проспект Коммунистический, ныне ул. Тауке хана), Урожайная (ныне ул. Мейирбекова), Плодовая (ныне ул. Мауели);

Солнечная (ныне ул. Куншуак);

Урожайная (ныне ул. Мейирбекова).

В 2024 г. управление культуры, развития языков и архивов Шымкента наметили значительные изменения в названии улиц. В список этих переименований внесены: улица «Ф. Достоевский» будет исправлена на «Фёдор Достоевский», улица «Толстой» будет

названа «Лев Толстой»⁶. Указание имени при фамилиях личности, прославивших русскую литературу, в честь которых названы улицы, подчёркивает уважительное отношение к русской национальной культуре.

В наши дни визитной карточкой города является Шымкентский Арбат (по аналогии с Московским Арбатом), протяжённость которого составляет 500 метров, находится в центре города по проспекту Бейбитшилик.

Шымкент принадлежит к числу древних городов Средней Азии, он находился на отрезке Великого шёлкового пути. В это время в Средней Азии устная культура преобладала над письменной формой, названия городских объектов появлялись в жизни города как факт культуры и языка повседневности.

Современный город хранит исторические факты, о чём свидетельствуют такие урбанонимические словосочетания, как *Старый город*, «*Старое городище Шымкент*» (Цитадель)⁷. В начале XIX века старые жители города называли это место «*Иски Чимкент*» (старый город). Городище Чимкент включало шахристан (резиденции правителя и знати) – цитадель и расположенные за пределами шахристана многочисленные пригородные ремесленные слободы (рабады). 22 сентября 1864 г. Кокандский гарнизон войск под руководством царского генерала М.Г. Черняева штурмом овладел крепостью высотой в 25 метров. С этого времени через город Чимкент стал проходить важный торговый путь, связывающий Западную Сибирь и европейскую Россию со Средней Азией.

Принимая во внимание тот факт, что урбанонимы отражают «концептуальную информацию с помощью языка и способны хранить и отражать результаты ментальной деятельности человека» [10, с. 246], коррект-

⁶ 386 улиц переименуют в Шымкенте. URL: <https://www.inform.kz/ru/nazovut-bezimyannie-ipereimenuyut-386-ulits-vshimkente-d72cc2> (дата обращения: 25.11.2024).

⁷ Урбаноним *Старый город* отмечается в различных городах мира (Баку, Барселона, Прага, Варшава, Таллин) и в российских городах (Выборг, Дербент). В Москве «Старым городом» можно назвать исторический район Китай-город, в Симферополе «Старый город» – это бывший крымскотатарский торговый городок Ак-Мечеть.

но считать, что структурированное коммуникативное целое урбанонимической лексики, то есть урботекст, дифференцирован тематически. Так, в структуре самаркандского текста учёные выделяют термин «гефироним-текст» (названия мостов). «Гефироним является собой сжатый (свёрнутый) текст, содержащий адресный, хронологический, историко-культурный, краеведческий, национально-культурный компоненты» [11, с. 876]. Е.В. Липатова подчёркивает: «Словарь русской ономастической терминологии» содержит термин «топоним-фраза» со ссылкой на словарную статью «имя-фраза». Термин «имя-фраза» отмечен в значении «любое имя собственное, представляющее собой короткий текст». В качестве примера приводится казахский топоним «Те-келитау» («Гора, где водятся козлы») [11, с. 874]. Поскольку «любое имя собственное» может представлять собой короткий текст, то урбанонимы, как вид топонима, также являются собой короткие тексты.

При рассмотрении урбанонимических микротекстов, например Екатеринбурга, учёные выявляют уровневую организацию маркеров городской идентичности [12], выделяют доминантные темы урбанонимических микротекстов, которые отражают территориальную идентичность [13].

Для изучения городской топонимии в научной литературе появилось новое понятие «урбанонимический дискурс» – «совокупность знаковых произведений/микротекстов, которая включает городские топонимы и связанное с ними вербальное и невербальное окружение» [13, с. 217].

Урботекст отражает ментальное пространство горожан: представления об истории города, его обычаях, фольклоре (местные герои, образы и мифы), что составляет своего рода основу, на которой формируются урбанонимические знания. Замечено, что в урбанонимии древнего города, как правило, закономерно главенствует тема истории города и исторические личности, что характерно для трансляции региональной идентичности городов [14] и репрезентации урбанонимического знания [15].

Например, название парка культуры и отдыха «Парк Байдибек би» на проспекте Байдибек би, название самого высокого в Казахстане памятника Байдибек би (высота 23 метра), расположенного в северной части Шымкента, восходят к исторической личности, известному казахскому батыру, военачальнику, мудрому правителю, жившему в окрестностях Восточного Каратау, – Байдибеку Карашаулы (даты рождения и смерти неизвестны, предположительно жил в XI–XII веках). Этот монументоним, образованный от антропонима, хранит и транслирует культурную и историческую информацию о казахском этносе.

Из сказанного следует, что существенным инструментом выявления и понимания урботекста служит подход, направленный на выявление актуализации конкретных знаний и ассоциаций. Урботекст оказывается сложным комплексом лингвистического и экстралингвистического контекстов, в которых сведения об урбанониме переплетаются со сведениями об именуемом городском объекте. Речь идёт о том, что к лингвистической составляющей значения урбанонима обязательно добавляется географический объект (в нашем случае лексемы парк, проспект, памятник), в результате чего актуализируется значение урбанонимической единицы: парк Байдибек би, проспект Байдибек би, памятник Байдибек би.

Изучение урботекста ставит вопрос о его структуре, «типах урбанонимов» [16, с. 17] и принципах «портретирования конкретного города с его историей и культурой» [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если понимать топонимический текст как сверхтекст, то в нём можно выделять продукты «городского» языка: урботекст или эрготекст и др., продуцируемые реальной городской жизнью. Так, в ноябре 2021 г. городе Шымкенте существовал пивной бар под названием «Тамбовский Волк». В настоящее время в г. Тамбове существует магазин «Продукты из Казахстана». Подобного рода эргонимы свидетельствуют о достаточно глубоком и устойчивом межкультурном диа-

логе двух стран, воплощении как межъязыкового, так и межкультурного взаимодействия, об отражении истории и национального самосознания казахского этноса.

Актуализация урбанонимов, отражающих организацию урбанонимического знания в человеческом сознании, локализуется в трёх важнейших координатах – в городском пространстве, времени и сознании горожан. Это триединство обусловлено двумя причинами. Во-первых, городское пространство и время являются объективными категориями, которые едины и неразрывны. Во-вторых, осознание и восприятие единства пространства и времени, фиксация этого единства в урботексте, а также само существование тех или иных урбанонимов невозможно и без речевых ситуаций, осуществляемых между

«городом», с одной стороны, и «коллективным горожанином» (совокупность мыслящих субъектов – носителей городского урбанонимикона, формирующего урботекст), с другой стороны.

Этот своеобразный диалог отражают исторические документы, письменные художественные тексты, устные тексты, включающие и бытовые диалоги, что позволяет рассматривать урботекст не только в историко-этимологическом аспекте (диахронном), но также и в синхронном аспекте, представить урботекст в статике и динамике, поскольку его составляющие компоненты отражают взаимосвязь языков, культур и ментальности.

Урботекст Шымкента (Чимкента) отражает исторические, культурные, а также природные особенности местности.

Список источников

1. *Липатова Е.В.* Репрезентация самаркандского текста в лингвокогнитивном аспекте // Неофилология. 2024. Т. 10. № 1. С. 67-75. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-67-75>, <https://elibrary.ru/vryrio>
2. *Картавенко В.* Семантика топонима как концентрированного текста. W kręgu zagadnień semantyki i stylistyki tekstu. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. 2014. С. 55-64. <https://doi.org/10.18778/7969-416-7.06>
3. *Шурупова О.С.* Московский текст русской литературы и его герои // Русская речь. 2011. № 1. С. 97-102. <https://elibrary.ru/ndeown>
4. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. Санкт-Петербург: Искусство, 2003. 616 с. <https://elibrary.ru/vnjoij>
5. *Горбаневский М.В.* Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. Москва: О-во любителей рос. словесности, 1996. 304 с.
6. *Алексеева Е.А.* Иноязычный урбаноним как индикатор поликультурного диалога // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2022. Т. 15. № 1. С. 27-37. <https://elibrary.ru/qyosqz>
7. *Обдалова О.А., Левашкина З.Н.* Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. 2019. № 48. С. 332-348. <https://doi.org/10.17223/19996195/48/21>, <https://elibrary.ru/qncnrd>
8. *Щербак А.С., Елибаева Р.Д.* Дифференциальный модус: его проявление в топонимике // Неофилология. 2020. Т. 6. № 23. С. 448-455. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-23-448-455>, <https://elibrary.ru/eevvxx>
9. *Дыбо А.В., Байбосын А.М., Кенжалин К.К. и др.* Ещё раз о монгольском языковом пласте в казахских топонимах // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21. № 1. С. 27-71. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.002, <https://elibrary.ru/epzkue>
10. *Щербак А.С.* Общерусское слово в аспекте теории репрезентации региональной концептосферы онимов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 246-251. <https://elibrary.ru/nkfyef>
11. *Липатова Е.В.* Гефиронимы в структуре самаркандского текста // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 871-878. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-871-878>, <https://elibrary.ru/cykszsy>
12. *Вепрева И.Т., Харитонова А.В.* Ономастическое пространство Екатеринбурга: уровневая организация маркеров региональной идентичности // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 3. С. 184-199. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.3.037, <https://elibrary.ru/luvorc>

13. Голомидова М.В., Дмитриева А.В. Образ Екатеринбурга через призму урбанонимического дискурса // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21. № 3. С. 213-236. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.039, <https://elibrary.ru/xbtbjh>
14. Разумов Р.В., Горяев С.О. Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 201-219. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024, <https://elibrary.ru/xchzvs>
15. Щербак А.С. Универсальное свойство урбанонимической категории // Неофилология. 2018. Т. 4. № 13. С. 5-11. <https://elibrary.ru/yvvlvop>
16. Шмелёва Т.В. Великий Новгород: ономастический портрет. Великий Новгород: ТПК «Печатный Двор», 2020. 288 с. <https://elibrary.ru/fuwgqj>

References

1. Lipatova E.V. Representation of the Samarkand text in the linguocognitive aspect. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 67-75. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-67-75>, <https://elibrary.ru/vryrio>
2. Kartavenko V. Semantics of toponym as concentrated text. *W Kręgu Zagadnień Semantyki i Stylistyki Tekstu*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2014, pp. 55-64. (In Russ.) <https://doi.org/10.18778/7969-416-7.06>
3. Shurupova O.S. Moscow text of Russian literature and its heroes. *Russkaya rech' = Russian Speech*, 2011, no. 1, pp. 97-102. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ndeown>
4. Toporov V.N. *Petersburg Text of Russian Literature*. St. Petersburg, Iskustvo Publ., 2003, 616 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vnjoij>
5. Gorbanevskii M.V. *Russian Urban Toponymy: Methods of Historical and Cultural Study and Creation of Computer Dictionaries*. Moscow, Obshchestvo lyubitelei rossiiskoi slovesnosti Publ., 1996, 304 p. (In Russ.)
6. Alekseeva E.A. Foreign toponyms as markers of polycultural dialogue. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda = Moscow University Translation Studies Bulletin*, 2022, vol. 15, no. 1, pp. 27-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qyosqz>
7. Obdalova O.A., Levashkina Z.N. "Narrative" as a cultural phenomenon and an object of discursive activity. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*, 2019, no. 48, pp. 332-348. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19996195/48/21>, <https://elibrary.ru/qncnrd>
8. Shcherbak A.S., Elibaeva R.D. Differential mode: manifestation in toponymics. *Neofilologiya = Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 448-455. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-23-448-455>, <https://elibrary.ru/eevvxx>
9. Dybo A.V., Baibosyn A.M., Kenzhalin K.K. et al. Revisiting the Mongolian stratum of Kazakh place names. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*, 2024, vol. 21, no. 1, pp. 27-71. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.002, <https://elibrary.ru/epzkue>
10. Shcherbak A.S. General Russian word in aspect representation theory of regional concept sphere of onims. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, 2012, no. 4 (108), pp. 246-251. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nkfyef>
11. Lipatova E.V. Hephryonyms in the structure of the Samarkand text. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024, vol. 10, no. 4, pp. 871-878. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-871-878>, <https://elibrary.ru/cy kzsy>
12. Vepreva I.T., Kharitonova A.V. Onomastic space of Ekaterinburg: level-based markers of regional identity. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*, 2023, vol. 20, no. 3, pp. 184-199. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.3.037, <https://elibrary.ru/luvorc>
13. Golomidova M.V., Dmitrieva A.V. The image of Ekaterinburg through the prism of urbanonymic discourse. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*, 2024, vol. 21, no. 3, pp. 213-236. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.039, <https://elibrary.ru/xbtbjh>
14. Razumov R.V., Goryaev S.O. Manifestations of regional identity in contemporary Russian urbanonymy. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 201-219. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024, <https://elibrary.ru/xchzvs>
15. Shcherbak A.S. Universal property of urbanonymical categorization. *Neofilologiya = Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 5-11. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvvlvop>

16. Shmeleva T.V. *Veliky Novgorod: Onomastic Portrait*. Veliky Novgorod, Pechatnyi Dvor Typography, 2020, 288 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fuwgqj>

Информация об авторе

ЕЛИБАЕВА Раушан Дуйсеновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языков и литературы, руководитель Центра изучения языков, Центрально-Азиатский инновационный университет, г. Шымкент, Республика Казахстан, <http://orcid.org/0000-0003-1859-2641>, raushan_1959kz@mail.ru

Поступила в редакцию 19.12.2024
Поступила после рецензирования 01.03.2025
Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Raushan D. Elibaeva, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor at the Languages and Literature Department, Head of the Language Learning Center, Central Asian Innovation University, Shymkent, Republic of Kazakhstan, <http://orcid.org/0000-0003-1859-2641>, raushan_1959kz@mail.ru

Received 19.12.2024
Revised 01.03.2025
Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.